

при предъявлении регрессного иска владельцем источника повышенной опасности к непосредственному причинителю вреда доказыванию не подлежит факт причинения вреда потерпевшему, поскольку данный факт был уже раньше установлен вступившим в законную силу решением суда по другому делу. Таким образом, в силу преюдиции суд, решающий регрессный иск, признает доказанным факт причинения вреда потерпевшему. Преюдициальная связь может существовать между гражданскими и уголовными делами. Согласно ч. III ст. 31 ГПК БССР, вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу имеет обязательное значение для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лиц, в отношении которых вынесен приговор суда. Он обязателен только по вопросам: имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом. Например, для суда, рассматривающего гражданское дело о возмещении имущественного вреда, причиненного преступлением, приговор по уголовному делу обязателен только по двум фактам: причинение ущерба и виновность осужденного. Все другие факты (в частности, размер ущерба, имущественное положение ответчика и т. д.), признанные приговором суда, преюдициального значения по гражданскому делу не имеют и, следовательно, должны доказываться⁸. Суд не вправе перепроверять юридические факты, установленные вступившим в законную силу решением или приговором. Если у суда возникнут сомнения в правильности преюдициально установленного факта, он может поставить вопрос о пересмотре, в порядке надзора, предыдущего решения или приговора.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 91.

² См.: Курылев С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии. — Минск, 1969, с. 139; Гражданский процесс. — М., 1972, с. 168.

³ Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М., 1972, с. 139.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 114.

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 7—8.

⁶ Курылев С. В. Указ. работа, с. 126.

⁷ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР, 1978, № 4, с. 27—29.

⁸ См.: Архив народного суда Ленинского района г. Минска за 1978 г. Дело № 2—1190.

В. В. ТИМОЩЕНКО

О СУБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ — ЗЛОСТНОГО УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ АЛИМЕНТОВ

Злостное уклонение родителей от уплаты алиментов или от содержания детей (ст. 120 УК БССР) является одним из самых распространенных преступлений против личности¹. Немаловажное значение в пресечении злостного уклонения от уплаты алиментов имеет одинаковое понимание и толкование уголовного закона юристами-практиками и теоретиками. Нужна всесторонняя разработка уголовно-правовых проблем борьбы с этим преступлением. Одной из них является определение субъекта данного преступления. Однако в уголовно-правовой литературе нет единства мнений по этому вопросу. Так, Н. И. Загородников, А. Н. Игнатов и А. В. Кузнецов считают, что субъектом злостного уклонения от уплаты алиментов на содержание детей могут быть родители и приравненные к ним лица: отчим, мачеха, усыновители². Н. Д. Дурманов и И. И. Горелик сужают круг лиц, являющихся субъектами рассматриваемого преступления, до родителей и усыновителей³. Пленум Верховного Суда РСФСР в постановлении от 19 марта 1969 года «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 122 УК РСФСР» разъяснил судам, что ответственность по ст. 122 УК РСФСР (ст. 120 УК БССР) могут нести только родители, т. е. лица, записанные отцом или матерью ребенка в книге записей рождений, в том числе и те, отцовство которых установлено по совместному заявлению родителей или в судебном порядке (ст. 52 и 53 КоБС БССР)⁴.

Такая точка зрения соответствует ст. 120 УК БССР, определяющей состав преступления как «злостное уклонение родителей от уплаты по решению суда средств на содержание несовершеннолетних детей или от содержания состоящих на их иждивении совершеннолетних, но нетрудоспо-

собных детей». Закон в данном случае к категории родителей относит не только лиц, являющихся кровными родителями ребенка, но и лиц, имеющих родительские права усыновителей, поскольку в соответствии со ст. 125 КоБС БССР «усыновленные и их потомство по отношению к усыновителям и их родственникам, а усыновители и их родственники по отношению к усыновленным и их потомству приравниваются в личных и имущественных правах и обязанностях к родственникам по происхождению».

Следовательно, согласно уголовному и семейному законодательству, субъектом злостного уклонения от уплаты алиментов или от содержания детей являются родители в социальном смысле (а не только в физиологическом), т. е. кровные родители и усыновители. Никто, кроме этих лиц, не может быть субъектом рассматриваемого преступления. Поэтому отчим и мачеха, если ребенок ими не усыновлен в порядке, предусмотренном семейным законодательством, не могут подлежать уголовной ответственности по ст. 120 УК БССР. Усыновители же могут быть субъектами рассматриваемого преступления независимо от того, записаны они в книгах записей рождения в качестве родителей усыновленных или нет, поскольку при усыновлении такая запись не обязательна (с. 122 КоБС БССР).

Некоторые авторы (А. А. Пионтковский, М. Д. Шаргородский, П. П. Осипов) не упоминают усыновителей в качестве субъектов рассматриваемого преступления⁵. Решая вопрос о субъекте злостного уклонения от уплаты алиментов, упомянутые авторы исходили только из уголовного закона, не учитывая семейное законодательство.

Субъектами преступления, предусмотренного ст. 120 УК БССР, могут быть и родители, лишенные родительских прав, поскольку «лишение родительских прав не освобождает родителей от обязанностей по содержанию детей» (ч. 2 ст. 72 КоБС БССР).

Законодательство о браке и семье Белорусской ССР, как и семейное законодательство других союзных республик, устанавливает при определенных условиях алиментные обязанности не только родителей, но и других членов семьи. Так, ст. 95 КоБС БССР предусматривает обязанность отчима и мачехи содержать пасынков и падчериц, ст. 97 КоБС БССР — обязанность братьев и сестер содержать своих несовершеннолетних или нетрудоспособных совершеннолетних братьев и сестер, ст. 98 КоБС БССР устанавливает обязанности деда и бабушки по содержанию внуков. Суду предоставлено право взыскивать со всех упомянутых лиц алименты на содержание тех, в отношении которых они обязанности не выполнили. Однако при злостном уклонении указанных лиц от уплаты алиментов они не могут быть привлечены к ответственности по ст. 120 УК БССР. Эти лица не являются родителями несовершеннолетних или нетрудоспособных совершеннолетних детей, на содержание которых с них взысканы алименты.

В отличие от усыновителей, по отношению к внукам, братьям или сестрам, пасынкам или падчерицам, они в личных и имущественных правах и обязанностях не приравнены законом к родителям.

Таким образом, субъектом рассматриваемого преступления могут быть только кровные родители или усыновители. Однако в судебной практике еще встречаются случаи ошибочного привлечения к уголовной ответственности лиц, не являющихся родителями или усыновителями детей, на содержание которых с них взысканы алименты. Так, в марте 1978 года народным судом Ветковского района Гомельской области был осужден по ст. 120 УК БССР к двум годам лишения свободы гражданин Ф., который не являлся ни отцом, ни усыновителем ребенка, на содержание которого с него были взысканы алименты. Гомельский областной суд правильно прекратил дело за отсутствием в действиях Ф. состава преступления⁶. Подобные ошибки в судебной практике не единичны.

Говоря о том, что субъектами злостного уклонения от уплаты алиментов являются родители в социальном смысле, мы, однако, не исключаем ответственности по ст. 120 УК БССР и лиц, которые не являются родителями, поскольку на практике возможно их участие в рассматриваемом преступлении не в качестве исполнителя, а в качестве подстрекателя или пособника. В теории советского уголовного права общепризнано, что лица, не обладающие признаками специального субъекта преступления, могут быть его соучастниками. Ничем иным как пособничеством надо признавать деятельность, которая состоит, например, в том, что

некий гражданин, по просьбе уклоняющегося от уплаты назначенных судом алиментов, сообщает родственникам последнего ложные сведения о его смерти. Такая деятельность, способствующая уклонению от уплаты алиментов, должна квалифицироваться по ст. 17 (ч. 6) и 120 УК БССР. Ответственность пособника, разумеется, исключается, если он не знал о факте судебного взыскания с виновного алиментов.

Нам представляется возможным дать следующее уголовно-правовое определение субъекта злостного уклонения от уплаты алиментов (ст. 120 УК БССР): это вменяемое физическое лицо, достигшее установленного законом возраста, являющееся кровным родителем (отцом или матерью) или усыновителем несовершеннолетнего или совершеннолетнего нетрудоспособного лица, в пользу которого решением суда взысканы алименты.

¹ См.: Уголовное право БССР. Часть Особенная.— Минск, 1978, с. 145.

² См.: Загородников Н. И., Игнатов А. Н. Преступления против личности.— М., 1962, с. 44; Уголовное право. Часть Особенная.— М., 1968, с. 219.

³ См.: Советское уголовное право. Особенная часть.— М., 1975, с. 174; Уголовное право БССР. Часть Особенная, с. 133.

⁴ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР. 1961—1977.— М., 1978, с. 219.

⁵ См.: Курс советского уголовного права. В шести томах. Часть Особенная, т. V—М., 1971, с. 137—138; Курс советского уголовного права. Часть Особенная, т. 3.— Л., 1973, с. 602—603.

⁶ См.: Архив Ветковского районного народного суда Гомельской области за 1978 г.

В. М. ХОМИЧ

ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ УГОНА АВТОМОТОТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ И САМОУПРАВСТВА

Изучение судебно-следственной практики свидетельствует об определенных трудностях в разграничении угона автомототранспортных средств и сходных действий, связанных с самовольным использованием государственных транспортных средств, которые должны оцениваться как самоуправство, влекущее дисциплинарную ответственность либо, при причинении существенного вреда, — уголовную по ст. 196 УК БССР. К сожалению, этот вопрос не всегда органами следствия и суда разрешается в соответствии с требованиями уголовного закона: сугубо самоуправные действия квалифицируются как угон автомототранспорта либо, наоборот, уголовно наказуемый угон неосновательно расценивается как самоуправство.

Ошибки такого рода обусловлены сходством рассматриваемых составов преступлений по ряду объективных признаков, без всесторонней характеристики и оценки которых весьма затруднительно решение вопроса о той или иной квалификации действий виновного. Определенные трудности в разграничении уголовно наказуемого угона и самоуправства объясняются тем, что в обоих случаях лицо умышленно нарушает установленный порядок использования или осуществления определенных правомочий, в связи с чем сами действия совпадают по внешним признакам. Конечно, если незаконное завладение транспортным средством осуществляется лицом, никаким образом (родственными или служебными отношениями) не связанным с его собственником или владельцем, вопрос о наличии в содеянном признаков преступления, предусмотренного ст. 207² УК БССР, не вызывает сомнений, поскольку такое лицо не имеет даже предполагаемого права на пользование этим транспортным средством. Трудности в разграничении уголовно наказуемого угона от самоуправства возникают в случаях самовольного использования средств автомототранспорта работниками, имеющими определенное служебное (техническое) отношение к эксплуатации транспортных средств соответствующей организации. Вопрос, в частности, касается квалификации действий водителей, механиков, автослесарей, электриков, сторожей, должностных лиц автохозяйств, иных государственных или общественных организаций в случаях самовольного использования ими в личных целях транспортных средств, принадлежащих указанным организациям.

Какие объективные признаки должны быть положены в основу разграничения рассматриваемых составов преступлений? Вопрос этот не лишен